

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ЕВРАЗИЙСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Е. А. Хамаева

КИТАЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ

Монография

Иркутск
МГЛУ ЕАЛИ
2015

УДК 81
ББК 81.2Кит-3
Х 18

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета
План изд. науч. лит. 2015, поз. 24

Рецензенты:

В. И. Карасик, д.фил.н. (Волгоградский государственный социально-педагогический университет);

Н. Н. Воропаев, к.фил.н. (Институт языкознания РАН)

Научный редактор:

О. М. Готлиб, к.фил.н. (Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета)

Х-18 **Хамаева Е. А.** Китайские антропонимы: монография. – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 308 с. – Ил. – ISBN 978-5-88267-431-0

В работе осуществляется комплексный – лингвистический и культуроведческий анализ китайских антропонимов, представляется обширный материал, на основе которого иллюстрируются и объясняются особенности антропонимической номинации китайцев. Работа может представлять интерес для специалистов в области китайского языка, лингвистики, лингвокультурологии.

УДК 81
ББК 81.2Кит-3

ISBN 978-5-88267-431-0

© Хамаева Е.А., 2015
© МГЛУ ЕАЛИ, 2015

Предисловие

Исследование имен собственных традиционно осуществляется на стыке многих наук – лингвистики, культурологии, истории, социологии, этнографии и т.д. Такой комплексный подход особенно актуален в исследовании китайских антропонимов, интерпретация которых не может быть успешной без обращения к языковым и внеязыковым особенностям их существования.

Анализ формально-содержательных и функциональных характеристик антропонимов в китайском языке невозможно осуществить без предварительного определения и уточнения основных подходов в отечественной и зарубежной лингвистике к исследованию имени собственного. Ономастическая теория на сегодняшний день демонстрирует неоднозначность, дискуссионность многих проблем антропоники, начиная с лингвистического статуса имени собственного, и заканчивая его основными категориальными признаками.

Теоретическое осмысление научных концепций имени собственного дает возможность не только обнаружить его основные характерологические особенности, но и проследить зависимость статуса имени собственного от типа ономастической системы, выявить типологию ономастических систем. Данные закономерности определили структуру работы.

В первой главе рассматриваются теоретические основания проблемы имени собственного в лингвистике, ставится проблема несоответствия языкового материала китайских антропонимов существующим в ономастике представлениям об имени. В связи с этим предлагается дифференцированный подход в исследовании феномена личного имени посредством введения типологии ономастических систем – мифологического, теоцентрического и антропоцентрического типов. Ономастическая система китайцев в рамках данной типологии относится к первому типу – мифологическому.

Во второй главе описываются особенности антропонимической системы китайцев, как мифологической антропонимической системы,

выявляются объективные и субъективные причины её появления и функционирования. В данной главе также подробно рассматривается категория собственности в китайском языке – её формальные, содержательные и функциональные особенности.

Третья глава знакомит читателя с богатым миром китайских антропонимов – основными традициями имянаречения, видами имен, их грамматикой, семантикой и прагматикой, аксиологическими и гендерными представлениями китайского народа, выраженными в имени.

Практическим материалом исследования послужили реальные имена носителей китайского языка, собранные из различных источников в течение всего периода написания работы. Также в книге нашли отражение данные, выявленные в результате проведенных опросов и анкетирования во время научных стажировок в КНР (г. Далинь, г. Чанчунь и др.) с 2008 по 2012 годы.

В основу работы легли результаты диссертационного исследования, выполненного под руководством кандидата филологических наук, профессора Олега Марковича Готлиба. Слова благодарности адресую своему учителю за научную школу и бесценный опыт.

Глубокую благодарность выражаю коллегам – кафедре восточных языков Евразийского лингвистического института Московского государственного лингвистического университета, и руководителю кафедры – Кремнёву Евгению Владимировичу за поддержку и помощь в выполнении исследования.

Отдельные слова признательности – рецензентам за благожелательные отзывы и пожелания.

Особую благодарность хочется выразить своим родителям, родным и близким за понимание, терпение и помощь.

Введение

Существует глубокое убеждение в том, что в силу определенных объективных причин, мир китайского языка и культуры по-прежнему видится российскому читателю размыто, приблизительно. Наши знания о Поднебесной ограничиваются несколькими фактами об истории, кухне, торговле и т.д. Это можно попытаться объяснить как языковыми причинами (все-таки устройство китайского языка, «китайская грамота» поневоле является той преградой, которая с одной стороны скрывает, но с другой, безусловно, защищает и оберегает китайскую культуру от внешних влияний), так и внеязыковыми – привычной для российской действительности и общества ориентированностью на европейскую культуру. Между тем, складывающаяся в современном мире ситуация, все больше вынуждает игроков «смотреть на Восток», учитывать и понимать Восток. Актуальность исследований в области китайской культуры и языка, на наш взгляд, в настоящее время очевидна – мы должны знать больше о своих партнерах, об их ценностях, миропонимании и пр.

Мир китайских антропонимов в данном отношении чрезвычайно иллюстративен. Он интересен не только потому, что проблема имен сама по себе занимает людей с давних пор, он интересен своей принципиальной инаковостью. В современном мире, где все стремится к унификации и глобализации даже странно открывать для себя, осознавать и признавать то, что до сих пор существует (да еще и в таких масштабах) нечто настолько уникальное и самобытное, принципиальное отличное от привычного для нас круга имен – Анн, Викторий, Джэков и т.д.

Глядя на типичные китайские антропонимы – такие как Ван Цзяньго, Хуан Дэгуан и пр., может показаться, что это просто набор иностранных звуков, это такие же имена, как Василий или Лиза,

только на китайском языке. Но это не совсем так, за этими переведенными на русский язык с помощью транскрипции иностранными именами скрывается богатое содержание, которое, к сожалению, подчиняясь современным правилам передачи онимов, остается непереверденным, закрытым для принимающих языков и культур.

Между тем, если заглянуть в каждый отдельный китайский антропоним, то можно обнаружить, что это не просто Чжоу Энлай, это человек, которого зовут «добро приходит или приходящее добро», Линь Шуанцзе – «лес в серебристом инее», Мэн Баи – «1 августа» (день образования НОАК), Пань Мэйчэнь – «счастливая пора»), Цзяньго – «строительство государства», Чуньянь – «весенняя ласточка» и пр. На первый взгляд может показаться, что такие имена напоминают мифологические «Острый глаз» или «Горячее сердце». Это действительно так. Китайские имена имеют много общего с именами, которые в литературе по ономастике часто называются архаичными, древними и т.д. Такие имена с прозрачной семантикой, как известно, на определенном этапе существовали во многих культурах, но по тем или иным причинам вышли из употребления, заменились другими, потеряли первичную семантику и пр.

В научной литературе работы о таких именах рассматриваются в связи с мифологическими представлениями об имени, с мифологическим сознанием, мифологией имени, и ассоциируются с древним этапом развития человечества. Прецедент же китайской системы именования состоит в том, что эта «мифология имени» не исчезла, не стала частью чего-то еще, не редуцировалась, она, появившись несколько тысячелетий назад, демонстрирует цельное непрерывное последовательное развитие. Этому можно найти много разных причин, но к наиболее важным следует отнести следующие. Во-первых, ономастическая система китайцев не подверглась какому-либо глобальному влиянию извне. Ни приход новой религии (буддизма, христианства), ни приезд иностранных миссионеров, ни военные конфликты не

смогли качественно изменить традиционный уклад китайских имен. Любые попытки ассимилировать китайскую культуру заканчивались обратным эффектом – китайская культура постепенно поглощала и адаптировала нововведения под себя.

Китайский традиционализм стал также причиной того, что всевозможные политические, социальные изменения внутри страны коснулись системы имен лишь отчасти. Наиболее существенным для ономастической ситуации стал момент падения монархии и время начала преобразований. В этот период система китайских имен была упрощена, некоторые традиции в данной области – упразднены. Тем не менее, сейчас можно говорить о том, что в целом ономастическая система китайцев успешно пережила и это испытание.

Дошедшая сквозь тысячелетия и сохранившаяся в оригинальном виде антропонимическая система китайцев успешно развивается и на сегодняшний день является самой большой в мире. Тем более странно пытаться объяснить сущность таких антропонимов с помощью современной теории ономастики, постулатами которой зачастую являются утверждения об асемантичности имен собственных.

Неправдоподобным кажется тот факт, что материал китайских антропонимов, то есть материал самой большой ономастической и антропонимической системы в мире практически не учтен в теории ономастики. Вместе с тем, исходя из объективных количественных показателей, теорию имени собственного логичнее строить на материале данных китайского языка и лишь фрагментарно – на материале европейских языков. Это, пожалуй, главная теоретическая проблема, возникающая в изучении китайских антропонимов. Их сущность практически не укладывается в шаблон, разработанный для анализа имен европейских языков. Данный факт дает основания предполагать, что семиотическая и семантическая сущность имен различна и требует дифференцированного подхода к их анализу.

Повествование об именах китайцев (китайских антропонимах), прежде всего, следует начать с небольшого комментария о том, что же мы будем иметь в виду под сочетанием «китайские антропонимы». Под китайскими антропонимами мы будем подразумевать имена ханьцев. Ханьцы – наиболее многочисленная этническая группа Китая и мира, в русском языке традиционно именуемая как китайцы (хотя под китайцами могут подразумевать все народности Китая). Несмотря на то, что антропонимы всех национальных меньшинств, проживающих на сегодняшний день в КНР, по форме приближены к ханьским, т.е. любой гражданин официально должен иметь фамилию и имя, антропонимические традиции некоторых народов все же отличаются. Например, антропонимическая формула проживающих в КНР монголов традиционно состоит только из имени или нескольких имен, в ней нет фамилии, но в китайских официальных документах фамилия у монголов все-таки присутствует – это первый знак имени, механически, искусственно взятый и используемый в качестве фамилии. Таким образом, объектом нашего исследования будут антропонимы китайского этноса, а не китайской нации, состоящей более чем из пятидесяти различных национальностей.

Следует отдельно отметить, что китайский антропоним морфологически дискретен и состоит из фамилии и имени. Сам факт существования частей внутри антропонима, вероятно, говорит об их различной природе и функциональной направленности.

Появление фамилий в китайской ономастической системе, по замечанию китайских ученых, объясняется необходимостью в различении родственных связей, отношений, что для людей древности имело большое значение, т.к. представители одного рода не могли вступать в брак. Носители одной фамилии в Китае до недавнего времени считались родственниками. Таким образом, китайская фамилия внутри китайского антропонима наделена самостоятельной (важной) функциональной нагрузкой.

Несмотря на данные различных источников, которые говорят о том, что число китайских фамилий на сегодняшний день составляет более двенадцати тысяч единиц, парадокс современной ономастической ситуации в Китае заключается в том, что распространенными из них являются лишь пять: 李 Ли, 刘 Лю, 王 Ван, 张 Чжан, 赵 Чжао.

Согласно данным министерства общественной безопасности КНР за 2007 год, число людей с фамилией Ван (王) насчитывается около 9 миллионов 288 тысяч, что составляет 7.25% от населения страны. Вторая по распространенности – фамилия Ли (李). Ее носит 9 миллионов 207 тысяч человек или 7.19 %. Третья по популярности – фамилия Чжан (张). Около 8 миллионов 750 тысяч китайцев (или 6.83%) являются ее обладателями [Новостной портал Синьхуа от 24.04.2007].

Особая функциональная нагрузка в сочетании с высоким процентом повторяемости привели к тому, что китайские фамилии стали развиваться несколько иначе, чем имена. В частности, некоторые фамилии стали развиваться в направлении все большей системности, приобретения свойств «классических» имен собственных. Таким образом, если в европейских именах с некоторой долей условности можно говорить о семантически прозрачных фамилиях и утративших семантику именах, то в Китае ситуация обратна – мотивированные имена и ряд немотивированных фамилий. То есть развитие китайской ономастической системы происходит по несколько иной траектории, нежели развитие европейских имен: асемантичными скорее становятся фамилии, а не имена.

Особый, не характерный для современной ономастической ситуации в мире, путь развития системы имен в китайском языке определяет необходимость в обращении к анализу истории выделения категории имени собственного в китайской языковедческой традиции, которая, как показал предварительный анализ, складывалась под влия-

анием особенностей китайской философии (в т.ч. философии имени) и логики.

Китайская ономастическая традиция наравне с греческой и индийской является одной из самых древних, но, несмотря на свою более чем тысячелетнюю историю, информации о ней не так много, она не известна широкому кругу лингвистов. В частности, мало кто знает, что в китайской философии широко представлена философия имени, что проблемой имен и реалий занимались и конфуцианцы, и даосы, и представители многих других школ, а первая категоризация имен в древнем Китае произошла еще до нашей эры.

Образец китайских антропонимов очень показателен также по причине того, что это единственный пример имен в языке, грамматический строй которого является изолирующим. То есть объективно, с точки зрения исследования, наблюдения над явлением, данный факт представляет большую ценность, т.к. позволяет установить какие-то новые в онтологии явления аспекты, модели поведения объекта.

В частности, даже предварительный анализ может показать то, что антропонимы в языке с изолирующим строем грамматики не обладают всеми теми «категориальными» признаками проприальности, о которых принято говорить в ономастике – отдельной словоизменительной и словообразовательной парадигмой слова, особенной морфологической и синтаксической валентностью, особенностями склонения, акцентуации и т.д.

Китайские антропонимы, по всей видимости, отличаются, например, от европейских – и функционально. Если в лингвистике говорится, что антропонимы преимущественно являются знаками дифференциации, индивидуализации, то китайские антропонимы наряду с перечисленными, также обладают и другими важными функциями. В частности, сложное устройство системы именования китайцев во многом обусловлено экстралингвистическими, прагматическими причинами. Имя – не простой знак, это знак симпатически